

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ШУМАРОВА АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА

**ДИНАМИКА АДАПТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД
ДЛИТЕЛЬНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА**

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Ереван 2026

Тема диссертации утверждена в Ереванском государственном университете.

Научный руководитель: Доктор психологических наук, профессор
Аванесян Грант Михайлович

Официальные оппоненты: Доктор психологических наук, профессор.
Мкртумян Мелс Паргевович

Кандидат психологических наук, доцент
Хачатрян Нарине Гагиковна

Ведущая организация: Академия государственного управления
Республики Армения

Защита диссертации состоится "11" июня 2026 года, в 16:00 часов, на заседании специализированного совета по психологии 067 КВОН по присуждению ученых степеней при Ереванском государственном университете, по адресу: 0025, ул. Абовяна 52а, Ереван, Армения.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ереванского государственного университета.

Автореферат диссертации разослан «06» мая 2026 года.

Ученый секретарь специализированного
совета по психологии 067,
Кандидат психологических наук, доцент

Д. Р. Айрапетян

ՀՀ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ, ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ԱՆԱՍՏԱՄԻԱ ՅՈՒՐԻԻ ՇՈՒՄԱՐՈՎԱ

**ԱՆՁԻ ՀԱՐՄԱՐՄԱՆ ՄԵԽԱՆԻԶՄՆԵՐԻ ՇԱՐԺԸՆԹԱՅԸ ԵՐԿԱՐԱՏԵՎ ՌԱԶՄԱԿԱՆ
ՀԱԿԱՄԱՐՏՈՒԹՅԱՆ ԸՆԹԱՑՔՈՒՄ**

**ԺԹ 00.01 «Ընդհանուր հոգեբանություն, հոգեբանության տեսություն և պատմություն,
անձի հոգեբանություն» մասնագիտությամբ հոգեբանական գիտությունների
թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության**

ՄԵՂՍԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ-2026

Ատենախոսության թեման հաստատվել է Երևանի պետական համալսարանում

Գիտական ղեկավար՝

Հոգեբանական
դոկտոր, պրոֆ.

գիտությունների

Հրանտ Միքայելի Ավանեսյան

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝

Հոգեբանական
դոկտոր, պրոֆ.

գիտությունների

Մելս Պարզնի Մկրտումյան

Հոգեբանական
թեկնածու, դոցենտ

գիտությունների

Նարինե Գազիկի Խաչատրյան

Առաջատար կազմակերպություն

Հայաստանի

Հանրապետության

պետական կառավարման ակադեմիա

Ատենախոսության պաշտպանությունը կկայանա 2026թ. հունիսի 11-ին, ժ. 16:00-ին Երևանի պետական համալսարանին առընթեր գիտական աստիճաններ շնորհող ԲԿԳԿ-ի հոգեբանության 067 մասնագիտական խորհրդի նիստում:
Հասցեն՝ 0025, ք. Երևան, Աբովյան 52^ա:

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ Երևանի պետական համալսարանի գրադարանում:
Սեղմագիրն առաքված է 2026 թ. մայիսի 06-ին:

Հոգեբանության 067 մասնագիտական խորհրդի
գիտական քարտուղար, հոգեբանական
գիտությունների թեկնածու, դոցենտ՝

Ղ. Ռ. Հայրապետյան

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Вооруженные противостояния сопровождают человечество на всём протяжении его истории. Однако современные вооруженные конфликты существенно отличаются от «классических» войн прошлого: они затрагивают все сферы жизни — от быта и экономики до образования и социальных связей, — характеризуются затяжным течением и сопровождаются непропорционально высокими потерями и масштабными последствиями для мирного населения. На этом фоне проблема психологической адаптации гражданского населения в условиях длительного вооруженного конфликта приобретает особую значимость, поскольку наряду с тяжелыми последствиями конфликта мирные жители сталкиваются с необходимостью приспосабливаться к продолжающейся угрозе как к повседневной реальности.

Адаптация личности относится к числу фундаментальных проблем психологической науки, в рамках изучения которой накоплен значительный объем исследований в самых разных областях. Вместе с тем, психологические аспекты вооруженных конфликтов, включая адаптацию к ним, систематически разрабатываются в рамках военной психологии, где основным объектом исследования выступают военнослужащие. При этом мирное население, затронутое войной, остается на периферии научного внимания: работы, посвященные данной проблематике, не оформлены в самостоятельное направление и носят разрозненный характер. Чаще всего подобные исследования развиваются в русле экстремальной психологии, трактующей вооруженный конфликт как экстремальную или чрезвычайную ситуацию, однако в условиях современного конфликта решающее значение приобретают длительность и непрекращающийся характер угрозы, поэтому традиционные модели адаптации оказываются ограниченными. Так, большинство подходов к описанию адаптации строится вокруг поэтапного перехода от острой реакции на стресс к последующему восстановлению после выхода из травмирующей ситуации, тем самым предполагая ограниченный во времени характер воздействия. Таким образом вне поля зрения оказываются люди, для которых травматизация не завершилась: она продолжается, повторяется и становится частью повседневности. Это ограничение проявляется и на уровне эмпирического изучения вооруженных конфликтов, где основной массив работ посвящён военнослужащим, ветеранам, беженцам, а также лицам, пережившим плен и другие формы крайнего насилия (А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, 2014; Н. В. Тарабрина, 2009; Y. Danieli, 1998; C. Higson-Smith, 2013; A. Ziersch et al., 2024 и др.).

Помимо этого, несмотря на признание значимости параметра длительности стрессогенного воздействия, соответствующие исследования сосредоточены преимущественно в нескольких направлениях: психофизиологии, нейропсихологии и восстановительной медицине (В. А. Бодров, 2006; S. J. Lupien et al., 2018; M. Girotti et al., 2024); адаптации к трудовой, учебной и другим видам деятельности (Л. М. Аболин, 1987; А. В. Леопова, 2009 и др.); исследованиях адаптации к экстремальным средам (Ц. П. Короленко, 1978; В. И. Лебедев, 2001 и др.); а также в изучении адаптации к последствиям экологических и техногенных катастроф (О. С. Ширяева, 2008; А. В. Леопова, 2009 и др.). В контексте вооруженных конфликтов параметр длительности воздействия стал предметом специального рассмотрения сравнительно недавно, в первую очередь из-за изменений характеристик самого конфликта. Так, на сегодняшний день исследования влияния длительных вооруженных конфликтов на мирное население проводятся прежде всего в странах, где такая проблематика имеет непосредственную практическую значимость, — в Армении (М. Mkrtumyan, L. Mkrtumyan, 2023; Kh. V. Gasparyan, H. M. Avanesyan, A. F. Soghoyan, 2022; D. Nayrapetyan, A. Nakobjanyan, N. Mirzoyan, 2024; S. G. Sukiasyan et al., 2025), Украине (Т. Е. Khraban, 2022; I. Pavlova et al., 2024; A. Kurapov et al., 2024) и России (Е. Н. Рядинская, 2017; А. Г. Самохвалова и соавт., 2025). Однако подавляющее большинство работ по-прежнему опирается на концепцию ПТСР, тогда как исследования, учитывающие и длительность и непрерывность

воздействия, остаются немногочисленными: среди украинских работ они представлены единично (L. Zasiakina, A. Martyniuk, 2025), а наиболее последовательно эта линия развивается в израильской исследовательской традиции в рамках концепции непрерывного травматического стресса (A. Goral, 2022; G. Eagle, D. Kaminer, 2013; G. Stevens, 2013; C. Higson-Smith, 2013).

В результате, недостаточный учет продолжительности и непрерывности стрессогенного контекста обуславливает преобладание ситуационного подхода к пониманию адаптации. Однако при длительном существовании в травмирующих условиях адаптационный процесс не сводится к преодолению последствий отдельного воздействия или восстановлению после его завершения, а требует применения биографического подхода, учитывающего внутриличностные изменения и механизмы, через которые влияние конфликта реализуется в структуре адаптивных механизмов личности. Вместе с тем, именно изучение адаптивных механизмов личности остается концептуально фрагментированным: в психологической литературе отсутствует единое понимание их состава, границ и соотношения (N. Naan, 1977; И. М. Никольская, 2008). Более того, хотя в теории адаптация рассматривается как многоуровневый процесс, формирующийся под влиянием комплекса внешних и внутренних факторов, в эмпирических исследованиях адаптивные механизмы, как правило, не анализируются как целостная взаимосвязанная система. Исследовательский интерес чаще сосредоточен на отдельных компонентах адаптационного процесса — симптоматике, дистрессе, ресурсах и копинг-стратегиях (A. Bleich et al., 2003; P. Cramer, 2008; L. A. Musetti et al., 2023; M. Palace et al., 2024).

Отсюда вытекает практическая и научная востребованность: исследовать процесс адаптации с учетом длительности и продолжающегося характера угрозы, а не как следствие завершенного события; при этом рассмотреть его комплексно — как единую защитно-регуляторную систему, учитывающую влияние разнонаправленных факторов и психодинамику личности.

Степень разработанности проблемы. Концепция непрерывного травматического стресса (CTS) сформировалась в 1980-е годы, однако широкое распространение получила сравнительно недавно (G. Straker, 2013; G. Eagle, D. Kaminer, 2013; G. Stevens et al., 2013 и др.). Возникнув из практической необходимости помощи жертвам политического насилия, она закономерно развивалась в контексте вооруженных конфликтов, а впоследствии была экстраполирована и на другие контексты длительной угрозы — хроническое насилие, вынужденную миграцию, пенитенциарную и экстренную медицину, а также массовые эпидемии (O. Nuttman-Shwartz, Y. Shoval-Zuckerman, 2016; C. B. Roach, 2013; Y. Lahav, 2020; D. Naupetyan et al., 2024). Тем самым сложилась достаточно проработанная теоретическая база для понимания особенностей длительного воздействия и его отличия от «завершенных» травматических эпизодов.

Однако эмпирическая база остаётся ограниченной и неоднородной. До появления специализированной шкалы CTSR в 2021 году операционализация непрерывной угрозы фактически строилась на ПТСР-метриках, что по определению снижало чувствительность к CTS-специфике (J. Y. Stein et al., 2016; D. Kaminer et al., 2018; A. Goral, 2021). Появление шкалы CTSR задало общий язык измерения и повысило сопоставимость данных, однако работ на её основе крайне мало. Более того направления развиваются фрагментарно, затрагивая различные аспекты концепции, такие как: специфические реакции при продолжающейся угрозе и их профиль (G. Eagle, D. Kaminer, 2013; E. Somer, Y. Ataria, 2015; A. Goral et al., 2022); связь CTS с депрессией, тревожностью, соматическим и функциональным неблагополучием (A. Bleich et al., 2003; A. Rosenberg, 2008); защитные и риск факторы, включая субъективную значимость угрозы, кумуляцию стрессоров, социальную поддержку, ресурсы общины и доверие к институтам (S. Sagu, O. Braun-Lewensohn, 2009; M. Gelkopf et al., 2012; M. Palace et al., 2024). Также рассматриваются различия контекста внутри условий CTS, такие как интенсивность и протяжённость угрозы и территориальная близость к источнику опасности (S. Sagu, O. Braun-Lewensohn, 2009; M. Gelkopf et al., 2012). Кроме того, показана значимость и косвенного воздействия

конфликта (R. C. Silver et al., 2013; D. Even et al., 2024; B. Ulbricht, J. Rizk, 2024). Тем самым в рамках CTS обозначаются различные типы воздействия вооруженного конфликта, однако различия между ними до настоящего времени остаются недостаточно проясненными, особенно в рамках адаптационного процесса.

Механизмы и процессы, непосредственно связанные с адаптацией, изучаются по отдельным линиям. Чаще всего рассматриваются вопросы жизнестойкости и траекторий исходов при длительном стрессе (G. A. Bonanno, A. D. Mancini, 2012). Из адаптивных механизмов есть исследование копинг-стратегий, которые выступают как ресурс или модератор CTS-ответа (А. Г. Самохвалова, 2025; A. Chudzicka-Czupala et al., 2023; С. А. Crişan et al., 2023; R. Schwarzer, 2024). Исследования психологических защит в CTS единичны и чаще обсуждаются в традиции иерархий зрелости защит (J. C. Perry, M. Di Giuseppe, 2021; V. Békés et al., 2023). В результате, совокупность работ не дает ни целостного понимания процесса адаптации в условиях длительной угрозы, ни представлений об особенностях влияния разных типов воздействия конфликта на этот процесс, оставляя эти вопросы открытым для исследований.

Цель исследования: определить специфику динамики адаптивных механизмов личности (гражданское население) в условиях длительного вооруженного конфликта с учетом продолжительности и типа его воздействия.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Провести теоретический анализ, предусматривающий:

- анализ длительного вооруженного конфликта как специфического контекста жизнедеятельности гражданского населения и обоснование применимости концепции непрерывного травматического стресса (CTS) для описания сохраняющейся угрозы и связанных с ней психологических реакций;

- анализ подходов к психологической адаптации и адаптивным механизмам личности в условиях длительной угрозы для операционализации компонентов единой защитно-регуляторной системы.

2. Обосновать теоретическую модель единой защитно-регуляторной системы адаптации личности, реализуемую в условиях CTS.

3. Провести эмпирическое исследование, позволяющее определить особенности компонентов единой защитно-регуляторной системы в условиях длительного вооруженного конфликта, выявить межгрупповые различия и взаимосвязи между ними, а также установить направление и относительную силу влияния условий конфликта на адаптивные механизмы личности с учетом внутренних (личностных) факторов.

4. Проверить соответствие теоретической модели единой защитно-регуляторной системы адаптации личности в условиях длительного стрессогенного воздействия эмпирическим данным исследования.

5. На основе совокупности эмпирических данных построить и сопоставить профили адаптивных механизмов личности в выделенных группах, описать сходства и различия.

Объект исследования: личность в условиях длительного вооруженного конфликта (гражданское население).

Предмет исследования: адаптивные механизмы личности в условиях длительного вооруженного конфликта.

Генеральная гипотеза исследования: профили адаптивных механизмов личности различаются в зависимости от длительности и типа воздействия вооруженного конфликта.

Частные гипотезы исследования:

- психологические условия конфликта и показатели адаптивных механизмов личности различаются в зависимости от длительности и типа воздействия вооруженного конфликта;

- внутренние факторы личности сходны по профилю показателей при возможных различиях в уровнях отдельных шкал; взаимосвязи и влияние условий конфликта на

внутренние факторы личности различаются в зависимости от длительности и типа воздействия вооруженного конфликта;

- психологические условия конфликта, внутренние факторы личности и адаптивные механизмы образуют систему взаимосвязанных показателей; при этом воздействие условий конфликта на адаптивные механизмы личности осуществляется преимущественно опосредованно через внутренние факторы личности.

Методологическую основу исследования составляют общепсихологические принципы единства сознания и деятельности и детерминизма (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и др.), принцип активности субъекта (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский), принцип системности в изучении личности (Б. Ф. Ломов, А. Г. Асмолов, К. К. Платонов и др.), а также субъектно-деятельностный подход (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская).

Работа опирается на представление об адаптации как о многоуровневой интегральной системе, складывающейся на стыке внешних условий и внутренних механизмов регуляции, в частности на системное представление об адаптации человека, разработанное В. И. Медведевым, а также на результаты исследований личности в экстремальных условиях и особенностей адаптации к ним (Ц. П. Короленко, Ю. А. Александровский, Л. А. Китаев-Смык, Н. В. Тарабрина, М. М. Решетников, Ф. Б. Березин, А. Г. Кузнецов). В трактовке адаптивных механизмов за основу берется понимание психологических защит и совладания как взаимосвязанных компонентов единой защитной системы личности (И. М. Никольская, Р. М. Грановская, Е. В. Лапкина).

Концептуализация условий вооруженного конфликта в исследовании опирается на парадигму непрерывного травматического стресса (Continuous Traumatic Stress, CTS), разработанную в работах G. Eagle и D. Kaminer и получившую дальнейшее развитие в исследованиях A. Goral и соавт.; при этом учитывается позиция G. Straker, согласно которой CTS может рассматриваться и как особый контекст сохраняющейся реалистичной угрозы, и как специфическая реакция на нее, а также исследования G. M. Diamond и соавт., в которых часть реакций в условиях продолжающейся опасности трактуется как функциональные адаптивные ответы, а не как признаки патологии. Определение системы факторов в работе опирается на экологическую модель дистресса К. Е. Miller и A. Rasmussen и концептуализацию реакций на CTS в работах A. Goral и соавт., а трактовка внутренних факторов личности — на концепцию базисных убеждений R. Janoff-Bulman и представление о доминирующих психических состояниях Л. В. Куликова.

Методы исследования и выборка. В работе использован комплекс взаимодополняющих методов, обеспечивающих целостный анализ адаптивных механизмов личности в условиях длительного вооруженного конфликта. Эмпирический блок был выстроен на сочетании биографического метода, позволившего зафиксировать особенности контекста и типов воздействия конфликта с учётом их влияния на жизненный путь, и психодиагностических методов, включающих тестирование и самоотчёты. Количественный анализ эмпирических данных дополнялся содержательной интерпретацией результатов; для проверки рабочих предположений применялись методы математико-статистической обработки, соответствующие уровню измерения показателей и исследовательским задачам.

За период исследования регистрацию прошли 837 человек; после проверки и исключения недостоверных и неполных протоколов в итоговую выборку вошли 283 человека, распределённые на три естественно сложившиеся группы по длительности и типу воздействия (прямое/косвенное) конфликта. Анализ характеристик основных групп позволил дополнительно выделить два блока подгрупп на основании режима воздействия и субъективной соотнесенности респондентов с проживанием на территории конфликта. Формирование выборки осуществлялось по заранее заданным критериям включения, что обеспечило сопоставимость групп и корректность последующего анализа.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования. Данное исследование расширяет представления об адаптации личности в условиях длительного стрессового воздействия. Впервые адаптивные механизмы как взаимосвязанные компоненты рассмотрены с учетом условий непрерывного травматического стресса (CTS). Эмпирически подтверждена модель, объединяющая контекстуальные условия вооруженного конфликта и психологические условия, формирующиеся в ходе конфликта, и демонстрирующая их согласованное влияние на внутренние регуляторы, а затем на адаптивные механизмы. Установлены закономерности проявления адаптивных реакций при различной длительности и типах воздействия конфликта; выделены и описаны дифференцированные профили адаптивных механизмов у лиц с разными типами длительного стресса. Полученные результаты также расширяют теоретическую базу концепции CTS. Впервые проведён сравнительный анализ подгрупп с эпизодическим и постоянным воздействием вооруженного конфликта.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты позволяют существенно повысить адресность и эффективность психологической помощи мирному населению, проживающему на территории вооруженного конфликта, а также тем, кто находится под косвенным воздействием через СМИ и эмоциональную вовлеченность. Выделенные профили, включая характеристики уязвимости личности, а также особенности влияния условий вооруженного конфликта на психическое состояние, базисные убеждения и адаптивные реакции для каждого типа воздействия, помогут специалистам психологических служб в выборе оптимальных тактик помощи, а также при планировании реабилитационных мероприятий. Разработанные ориентиры могут использоваться при составлении программ реабилитации и психопросвещения, а также при организации мониторинга динамики состояния населения в условиях длительного стрессового воздействия.

Положения, выносимые на защиту.

1. Вооруженный конфликт как длительные экстремальные условия жизнедеятельности гражданского населения целесообразно рассматривать в рамках концепции непрерывного травматического стресса (Continuous Traumatic Stress, CTS), позволяющей учитывать параметры продолжающейся угрозы и специфические психологические реакции на нее.

2. Адаптивные механизмы личности являются компонентами единой защитно-регуляторной системы адаптации личности в контексте CTS. Теоретическая модель данной системы включает в себя: защитные механизмы, копинг-механизмы, внутренние факторы личности (доминирующие психические состояния и базисные убеждения) и контекстуальные и психологические условия длительного вооруженного конфликта. Все компоненты взаимосвязаны, при этом воздействие условий конфликта на адаптивные механизмы опосредуется внутренними факторами личности.

3. Психологические условия длительного вооруженного конфликта неодинаково представлены в группах, различающихся по длительности и типу воздействия. Наибольшая кумуляция стресса характерна для группы прямого длительного воздействия, тогда как более высокие показатели защитных факторов представлены в группе косвенного воздействия.

4. При общем сходстве профилей внутренних факторов личности группы различаются по уровню выраженности отдельных компонентов и основаниям их формирования; доминирующие психические состояния в целом сопоставимы, тогда как базисные убеждения наиболее снижены в группе прямого длительного воздействия. Сходные профили внутренних факторов формируются на различных основаниях: в каждой группе они определяются разными условиями конфликта.

5. Адаптивные механизмы личности различаются как на уровне отдельных механизмов, так и на уровне агрегированных компонентов. При этом общая конфигурация профилей групп защитных механизмов в целом сходна, а в профилях типов преодоления фрустрации совпадают крайние позиции. Различия в адаптивных механизмах обусловлены

неодинаковым воздействием условий конфликта на внутренние факторы личности, через которые реализуется их опосредованное влияние.

6. Различия в подгруппах носят преимущественно уточняющий характер: они конкретизируют выявленные на уровне основных групп закономерности, отражая особенности режима воздействия и субъективного отнесения ситуации к условиям конфликта, но не изменяют общей структуры полученных результатов.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечены использованием научно обоснованной методологической и теоретической базы, корректностью исследовательского дизайна с естественно сложившимися группами и достаточным объемом выборки для выявления запланированных эффектов, унифицированными и этически регламентированными процедурами сбора данных, использованием стандартизированных психодиагностических инструментов с подтвержденными психометрическими характеристиками. Статистическая обработка осуществлялась в соответствии с предпосылками применяемых методов с обязательной проверкой их соблюдения, оценкой размер-эффектов и 95% доверительных интервалов, а при множественных проверках — с применением соответствующих процедур коррекции. Воспроизводимость аналитического контура обеспечена фиксированным протоколом, сохранением исходных данных и расчетов; устойчивость выводов — проверками чувствительности к альтернативным спецификациям и конвергентной согласованностью показателей.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертационного исследования были представлены к обсуждению на заседании кафедры общей психологии Ереванского государственного университета и в Научно-исследовательском центре психологии ЕГУ, а также доложены на девяти международных научно-практических конференциях в формах устных и стендовых докладов, секционных выступлений и дискуссионных сессий, включая участие в одном пленарном заседании. По теме диссертации опубликовано 12 работ, из них 3 — в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований; 1 — в журналах, индексируемых в реферативной базе данных Scopus.

Структура и объём диссертации: Диссертация состоит из введения, 4 глав, выводов, списка литературы, списка сокращений и приложений. Текст изложен на 200 страницах без учета приложений; содержит 130 таблиц (из них 71 таблица в приложениях), 9 рисунков и 3 приложения. Список литературы включает 307 источников, в том числе на русском языке - 85, на иностранных языках - 222.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, определены его объект и предмет, сформулированы цель, задачи, гипотезы и положения, выносимые на защиту. Описаны методологические основы, объяснены научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, а также надежность и достоверность результатов, указаны сведения об апробации работы.

В **главе 1. «Теоретические основы изучения вооруженного конфликта применительно к гражданскому населению»** рассматриваются особенности современных вооруженных конфликтов, а также подходы к изучению их влияния на личность при длительном воздействии, уточняется понятийное поле исследования и обосновывается применимость концепции непрерывного травматического стресса (CTS) к изучению адаптации личности в условиях длительной угрозы.

В **разделе 1.1. «Историко-теоретический обзор особенностей вооруженного конфликта и его влияния на гражданское население»** представлен анализ развития феномена вооруженного применения силы с точки зрения влияния на мирное население, появления термина «вооруженный конфликт» и его отличительных особенностей. Показано, что современные вооруженные конфликты характеризуются структурными

изменениями, включая рост доли внутригосударственных противостояний, расширение косвенных способов воздействия и урбанизацию боевых действий. Обосновано, что это приводит к увеличению продолжительности угрозы, усилению прямых и каскадных косвенных последствий конфликта и, как следствие, к возрастанию психологической уязвимости мирного населения.

В разделе 1.2. «Методологические основы психологического изучения вооруженного конфликта» рассматриваются ограничения изучения гражданского населения в данной области, обусловленные отсутствием единой методологической базы и фрагментарностью дисциплинарных подходов. В связи с этим уточняются концептуальные основания исследования, последовательно раскрытые в двух подразделах. **В подразделе 1.2.1.** «Понятийное поле экстремальности: ситуация, условия, среда» анализируются три основные категории — ситуация, условия и среда, — используемые в психологических исследованиях экстремальных явлений. Обосновывается использование понятия «экстремальные условия» для описания длительного вооруженного конфликта, поскольку оно позволяет учитывать устойчивость, продолжительность и системный характер стрессогенного воздействия, не редуцируя его к отдельным эпизодам, а также включать в анализ субъективные характеристики, что предполагает рассмотрение личности как активного субъекта в системе адаптации. Опираясь на работу Д. В. Сочивко, показано, что адаптация к экстремальным условиям осуществляется не за счет упрощения поведения, приводящего к деформации личности, а посредством усложнения психодинамической интеграции. Тем самым показывается, что анализ адаптации в условиях длительного вооруженного конфликта требует учета глубинных изменений личности под влиянием экстремальных условий, что обуславливает обращение к теоретическим подходам к описанию травматизации при длительном стрессогенном воздействии, раскрытым **в подразделе 1.2.2.** «Теоретические концепции травматизации при длительном стрессогенном воздействии». В данном подразделе рассматриваются ограничения нозологического подхода и доминирующей ПТСР-рамки применительно к длительной непрекращающейся угрозе, анализируются альтернативные концепции длительной травматизации и обосновывается, что наиболее адекватной теоретической рамкой для изучения адаптации в условиях сохраняющейся угрозы выступает концепция непрерывного травматического стресса.

В разделе 1.3. «Непрерывный травматический стресс (CTS): теоретические основания и прикладные аспекты» обосновывается применимость концепции непрерывного травматического стресса как теоретической основы для изучения адаптации личности в условиях длительной угрозы. Показано, что CTS позволяет одновременно учитывать параметры продолжающейся угрозы и возникающие в ответ реакции, что делает возможным более дифференцированный анализ адаптации, разграничение функциональных адаптивных ответов и клинически значимых нарушений, а также снижает риск избыточной патологизации реакций мирного населения. **В подразделе 1.3.1.** «CTS как контекст длительной угрозы» представлен анализ исследований, в которых CTS рассматривается как контекст длительного проживания в условиях сохраняющейся опасности. Отмечается, что клиническая картина у мирного населения может варьироваться в зависимости от типа воздействия, его продолжительности, конкретного контекста угрозы и уровня посттравматического дистресса. Рассматриваются особенности CTS и контексты его возникновения. **В подразделе 1.3.2.** «CTS как профиль реакций и функционирования» показано, что реакции на постоянное воздействие угрозы шире и интенсивнее, чем при однократном травматическом событии, и включают дополнительные когнитивные, поведенческие и эмоциональные компоненты. Часть этих проявлений не описана в критериях DSM-5 для ПТСР и, следовательно, не включена в используемые диагностические инструменты. При этом типичные симптомы ПТСР — вторжение, избегание и изменения возбуждения/реактивности — в условиях CTS могут отсутствовать либо рассматриваться как адаптивные реакции, а не как признаки патологии. Описываются четыре ключевые характеристики CTS, выделенные Дж. Игл и Д. Каминер, которые

позволяют понять, как формируется и проявляется спектр этих реакций: контекст стрессовых условий, их временное расположение, различение реальной и мнимой угрозы, а также отсутствие внешних защитных систем. Подчеркивается, что для условий СТС характерны иные, контекстно обусловленные механизмы травматизации, учитывающие сложность и специфику ситуации угрозы; в связи с этим реакции на травму требуют более дифференцированной оценки, чем бинарная фиксация наличия или отсутствия симптомов.

В главе 2. «Теоретико-методологические основы изучения адаптивных механизмов личности» последовательно раскрываются концептуальные основания исследования адаптации личности, уточняются содержание и границы понятия адаптивных механизмов, выделяются внутренние и внешние факторы адаптации в условиях длительного вооруженного конфликта и на этой основе предлагается теоретическая модель единой защитно-регуляторной системы адаптивных механизмов личности в условиях СТС и обосновывается ее структура.

В разделе 2.1. «Концептуальные основания исследования адаптации личности» рассматриваются основные подходы к пониманию адаптации и обосновывается необходимость ее трактовки как целостного многоуровневого процесса. Показано, что поуровневое членение адаптации имеет преимущественно аналитический характер и при изолированном использовании создает риск редукционизма. За основу принимается понимание адаптации, предложенное В. И. Медведевым; при этом в качестве предмета исследования выступает не адаптация человека в целом, а адаптация личности.

В разделе 2.2. «Адаптивные механизмы личности: содержание и границы понятия» анализируются различные подходы к пониманию адаптивных механизмов, а также вопросы их содержания, границ и соотношения. Адаптивные механизмы рассматриваются не просто как взаимосвязанные процессы адаптации, а как единая защитно-регуляторная система, которая активизируется и функционирует под воздействием стрессогенных условий конфликта, изменяется в зависимости от активности и особенностей личности и реализуется на разных уровнях регуляции. Основываясь на данных литературы, в эту систему были включены защитные механизмы, копинг-стратегии, а также факторы, связанные со средой и личностью; далее все указанные компоненты последовательно раскрываются в соответствующих подразделах. **В подразделе 2.2.1. «Защитные механизмы в системе адаптации личности»** прослеживаются история становления и основные этапы развития концепции психологической защиты. Показано, что в современных представлениях защита в своей основе служит адаптивной цели — снижению чрезмерной тревожности и поддержанию целостности и самоуважения личности. Подчеркивается, что вопрос об адаптивности защит, особенно менее сложных, не может решаться вне контекста их применения: оценка должна учитывать как внутренние параметры субъекта, так и внешние условия ситуации. **В подразделе 2.2.2. «Копинг-механизмы в системе адаптации личности»** анализируются особенности изучения копинг-механизмов; подчеркиваются их широкая распространенность в исследовательской практике, связанная с этим множественность определений и классификаций, а также сопровождающая ее методологическая критика. Показано, что взаимосвязь между копинг-стратегиями и адаптацией существенно зависит от характеристик стрессора — его характера, длительности, контекста и, в особенности, контролируемости. В контексте вооруженных конфликтов показано, что пострадавшие используют широкий спектр стратегий совладания — от условно более адаптивных до дезадаптивных, причем эффективность отдельных стратегий зависит от контекста и не всегда бывает однозначной. При этом данный компонент адаптивной системы изучен значительно лучше, в том числе применительно к условиям СТС.

В разделе 2.3. «Внутренние и внешние факторы адаптации личности» обосновывается необходимость учета системы разнонаправленных факторов, определяющих процесс адаптации в условиях длительного вооруженного конфликта. Показано, что адаптация личности разворачивается на фоне действия множества взаимосвязанных объективных и субъективных детерминант, которые задают не только

степень ее успешности, но и характер ее протекания. В рамках настоящего исследования они разделены на две группы: факторы, связанные с условиями конфликта, и факторы, связанные с личностью. К первой группе отнесены объективные характеристики воздействия (тип воздействия и его длительность), психологические условия конфликта (кумуляция стресса и факторы CTS: «истощение и отчуждение», «ярость и предательство», «страх и беспомощность») и защитные факторы (социальная поддержка и отношение к будущему); ко второй — внутренние факторы (доминирующие психические состояния и базисные убеждения), опосредующие восприятие и переработку стрессовой среды. На этой основе в заключение раздела предлагается авторская модель единой защитно-регуляторной системы адаптации личности в условиях CTS, включающая защитные механизмы, копинг-стратегии, а также внешние и внутренние факторы, взаимосвязанные между собой, но функционирующие на разных уровнях. Ключевое положение модели состоит в том, что влияние условий конфликта на адаптивный ответ реализуется преимущественно через внутренние факторы, выполняющие роль медиаторного звена. В общем виде модель задает следующую последовательность: условия конфликта → внутренние факторы → адаптивные механизмы, при допущении взаимосвязей между факторами и возможности прямого влияния условий конфликта на адапционный процесс.

В главе 3. «Организация и методы исследования» раскрываются исследовательский дизайн, логика формирования выборки, организация сбора данных, а также диагностический и математико-статистический инструментарий. **В разделе 3.1. «Организация исследования»** описывается квазиэкспериментальный сравнительный дизайн исследования с естественно сложившимися группами, определяются критерии группирования выборки и логика выделения переменных для анализа. Также представлена информация об организации исследования, включающей четыре этапа, о процедуре участия, требованиях к качеству данных и этических условиях его проведения. В качестве основных критериев группирования были определены тип и длительность воздействия вооруженного конфликта; дальнейший анализ позволил дополнительно выделить подгруппы по критериям режима воздействия и субъективного соотношения себя с проживанием на территории конфликта.

Дополнительно описываются процедура набора участников и характеристики итоговой выборки. За период исследования регистрацию прошли 837 человек; после исключения дублей (126), неполных протоколов (371) и недостоверных ответов по контрольным шкалам (43) в итоговую выборку вошли 283 участника (239 женщин, 84,5%; 44 мужчины, 15,5%). Возраст респондентов варьировал от 17 до 68 лет ($M = 22,86$; $SD = 8,027$). В состав основных групп вошли: группа прямого воздействия более 10 лет (G_1) — $n = 100$ ($M = 23,79$; $SD = 10,3$); группа прямого воздействия около 3 лет (G_2) — $n = 82$ ($M = 22,77$; $SD = 8,04$); группа косвенного воздействия (G_3) — $n = 101$ ($M = 22,00$; $SD = 4,77$). Внутри G_1 и G_2 были дополнительно выделены подгруппы: $G_{1.1}$ — постоянно проживающие в зоне конфликта: $n = 70$ ($M = 24,44$; $SD = 10,84$); $G_{1.2}$ — периодически покидавшие зону конфликта: $n = 30$ ($M = 22,27$; $SD = 8,90$); $G_{2.1}$ — не относящие себя к категории «проживающих на территории конфликта»: $n = 50$ ($M = 21,4$; $SD = 6,31$); $G_{2.2}$ — относящие себя к категории «проживающих на территории конфликта»: $n = 32$ ($M = 24,91$; $SD = 9,91$). Представленный анализ социально-демографических характеристик показывает, что основные группы и подгруппы в целом сопоставимы по уровню образования, семейному положению, роду занятий и возрасту, однако выборка имеет ограничение по гендерному признаку.

В разделе 3.2. «Методы исследования» обосновывается комплекс диагностических средств, сформированный в соответствии со структурой теоретической модели «условия → внутренние факторы → адаптивные механизмы». Для фиксации контекста длительного вооруженного конфликта, психологических условий и защитных факторов разработан авторский биографический опросник; для оценки внутренних факторов использованы Шкала базисных убеждений (WAS, адаптация М. А. Падун и

А. В. Котельниковой) и Методика «Доминирующее состояние» (ДС-6, Л. В. Куликов); для исследования адаптивных механизмов личности применены Методика диагностики копинг-стратегий Э. Хейма (адаптация Л. И. Вассермана и соавт.) и Методика измерения психологической защиты (МИПЗ; Е. Р. Пилогина, Р. Ф. Сулейманов, 2020). Отдельно раскрывается логика математико-статистической обработки данных: межгрупповые сравнения, анализ профилей, корреляционный и регрессионный анализ, а также проверка медиаторных эффектов с помощью PROCESS. Тем самым раздел обосновывает соответствие выбранных методов задачам исследования.

В главе 4. «Результаты эмпирического исследования адаптивных механизмов личности в условиях длительного вооруженного конфликта» представлены результаты эмпирического исследования, организованные в логике поэтапного анализа всех компонентов предложенной теоретической модели единой защитно-регуляторной системы адаптации личности — от условий конфликта к внутренним факторам и далее к адаптивным механизмам, — с последующим рассмотрением их взаимосвязей и различий между группами и подгруппами.

В разделе 4.1. «Условия вооруженного конфликта: результаты и анализ» представлены результаты исследования субъективных факторов вооруженного конфликта, объединенных в два блока: (1) психологические условия конфликта, включающие оценку кумуляции стресса и CTS-реакции, и (2) защитные факторы — социальная поддержка и отношение к будущему. Показано, что по большинству показателей психологических условий конфликта группы в целом сопоставимы, за исключением тенденции к более высокой кумуляции стресса в Г1 и значимого различия по фактору CTS «Источение и отчуждение» (ED) между Г1 и Г3 ($U = 4284$; $p = 0,042$). Более выраженная межгрупповая вариативность обнаруживается в защитных факторах и в структуре связей. Так, значимые различия выявлены по обоим показателям социальной поддержки: по изменению круга общения (SC) — между тремя группами ($N = 15,022$; $p = 0,001$), а также между Г1 и Г2 ($U = 4869,5$; $p = 0,024$) и между Г1 и Г3 ($U = 6558$; $p < 0,001$); по наличию социальной поддержки — на уровне общего межгруппового сравнения ($\chi^2(2) = 6,566$; $p = 0,038$; $V = 0,152$). Анализ отношения к будущему показал значимые различия в степени изменения жизненных приоритетов ($N = 10,629$; $p = 0,005$), в том числе между Г1 и Г3 ($U = 6272$; $p = 0,001$), а также в структуре целей на будущее — прежде всего по пунктам «продвижение по карьерной лестнице» ($\chi^2(2) = 11,146$; $p = 0,004$; $V = 0,198$) и «укрепление семейных отношений» ($\chi^2(2) = 12,862$; $p = 0,002$; $V = 0,213$), тогда как по текущей валентности оценки будущего результаты оказались сходными. Анализ корреляционных связей показал, что в Г1 психологические условия организованы вокруг CTS-реакций и социальной включенности, в Г2 — вокруг оценки событий и отношения к будущему, а в Г3 — вокруг субъективной интерпретации происходящего и будущей перспективы.

Раздел 4.2. «Исследование внутренних факторов: результаты и анализ» был посвящен анализу доминирующего психического состояния и базисных убеждений личности. Согласно полученным результатам, вне зависимости от длительности и типа воздействия конфликта показатели доминирующего состояния в группах в целом были сходны; исключение составило локальное различие между Г2 и Г3 по шкале «Удовлетворенность жизнью» («Уд»): $U = 4994,5$; $p = 0,017$. По базисным убеждениям, напротив, были выявлены значимые как межгрупповые, так и попарные различия; отсутствие межгрупповых различий отмечалось только по шкале «Контроль», при этом Г3 продемонстрировала более высокие показатели по большинству шкал. Вместе с тем распределение показателей по средним рангам показало высокую согласованность профилей по обоим внутренним факторам. Анализ связей и регрессионных моделей показал, что при общем сходстве профилей внутренние факторы в группах формировались на разных основаниях: в Г1 они в большей степени были связаны с CTS-факторами и отношением к будущему, в Г2 в целом отмечалось меньше связей, преимущественно с оценкой событий, отношением к будущему и отдельными компонентами CTS, а в Г3 — прежде всего с отношением к будущему.

В разделе 4.3. «Исследование адаптивных механизмов личности» были представлены результаты исследования защитных механизмов и копинг-механизмов личности, а также их связей с условиями конфликта и внутренними факторами. Анализ защитных механизмов показал значимые межгрупповые различия как на уровне отдельных механизмов, так и на уровне укрупненных категорий. По отдельным механизмам значимые различия были выявлены по 12 из 20 защитных механизмов. На уровне групп защитных механизмов статистически значимые различия были выявлены по психотическим и адаптивным механизмам ($N = 7,485$; $p = 0,024$ и $N = 13,208$; $p = 0,001$ соответственно). По типам преодоления фрустрации значимые различия были зафиксированы по отвлекающему, рационализирующему типам и по «защите от вины», тогда как по избегающему типу различий не было; при этом в сравнении Г2 и Г3 дополнительно проявилось различие по контролирующему типу. Вместе с тем анализ профилей распределения показателей по укрупненным категориям показал высокое сходство их конфигурации. По копинг-механизмам различия были менее выражены: статистически значимое различие было выявлено только в поведенческой сфере между Г1 и Г3 ($U = 5832,0$; $p = 0,043$), тогда как в эмоциональной сфере отмечались лишь тенденции, прежде всего между Г2 и Г3 ($U = 4702,5$; $p = 0,075$). На уровне отдельных стратегий устойчивое различие было обнаружено только по механизму «Растрянность» между Г2 и Г3. Анализ связей показал, что во всех группах защитные и копинг-механизмы образовывали взаимосвязанную систему, однако ее организация различалась. Регрессионный анализ подтвердил, что влияние условий конфликта на адаптивные механизмы в большинстве случаев реализовывалось опосредованно через внутренние факторы личности. Более того, это воздействие в большинстве случаев проявлялось через специфические опосредованные пути: отдельные условия конфликта влияют на конкретные шкалы внутренних факторов, а через их изменение опосредуется характер адаптивного процесса.

На основе сопоставления всех полученных результатов были построены сводные профили адаптивных механизмов личности для трех основных групп. **В подразделе 4.3.1.** «Сводные профили адаптивных механизмов личности: обсуждение результатов и выводы по главе» представлены схемы с основными выявленными эффектами, а также их описание и интерпретация. Анализ профилей показал, что при внешнем сходстве за ними стоят разные основания регуляции и различная конфигурация связей. Во всех трех группах больше значимых связей было выявлено для защитных механизмов, чем для копинга, что указывает на более выраженное влияние условий конфликта на менее осознаваемый уровень регуляции. При этом для Г1 (см. рис. 1) характерно не только наибольшее число значимых связей, но и более упорядоченная структура их распределения: CTS-факторы преимущественно реализуют свое влияние через блок медиаторов ДС, тогда как защитные факторы — через базисные убеждения. Выявленные эффекты указывают, что адаптация в большей степени направлена на сохранение психического состояния в условиях длительной угрозы. Также выявлено, что снижение активного отношения к жизненной ситуации («Ак») и убеждений в справедливости мира (J) связано со снижением использования защитных механизмов, указывая на свертывание самой защитно-регуляторной активности. Таким образом профиль Г1 отражает не только эффект привыкания к условиям длительного конфликта, реализующийся через структурную перестройку регуляции и формирование более согласованной траектории адаптации, но и тенденцию к отказу от активной адаптации.

Для Г2 (см. рис. 2) характерна более избирательная и менее связанная структура влияний: общее число значимых эффектов меньше, но выше доля прямого воздействия факторов. В частности, фактор «Страх и беспомощность» (FH) в большей степени представлен прямыми эффектами, указывая на переживание актуальной опасности и утраты контроля. Также выявлены обратные эффекты социальной поддержки и заметное влияние морального компонента травмы. В целом адаптационный процесс связан с попыткой справиться с актуальной ситуативной тревогой и непредсказуемой угрозой

«здесь и сейчас», что сопровождалось поиском разнонаправленных способов совладания и эмоциональной дезорганизацией.

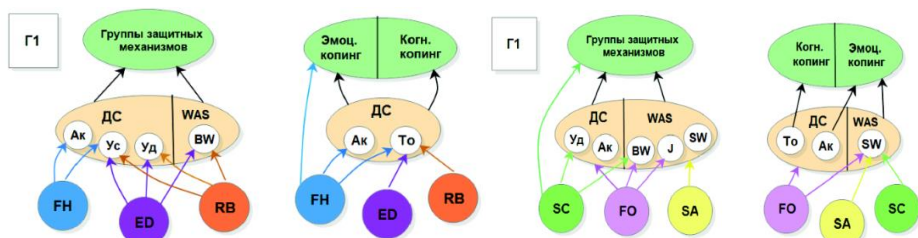

Рисунок 1. Схемы влияния условий конфликта на адаптивные механизмы в Г1.

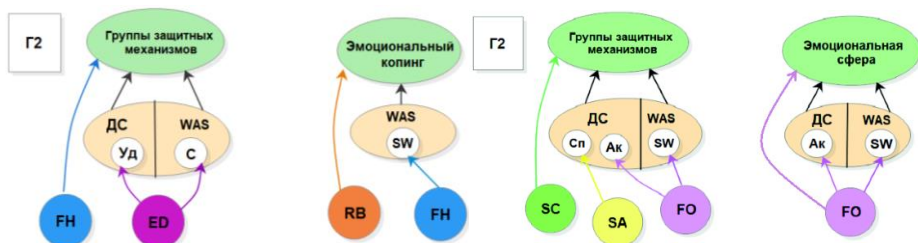

Рисунок 2. Схемы влияния условий конфликта на адаптивные механизмы в Г2.

Для Г3 (см. рис. 3) более заметную роль играют базисные убеждения и в целом выше число связей с защитными факторами. Выявленные эффекты показывают, что в Г3 непосредственное влияние угрозы в большей степени регулируется на более осознанном уровне. Это, в свою очередь, отражает различие между прямым и косвенным воздействием: отсутствие непосредственной угрозы позволяет не только перерабатывать травматический опыт, но и использовать для его регуляции более адаптивные механизмы. В целом регуляция больше ориентирована на сохранение представлений о доброжелательности и справедливости мира, чем на поддержание психического состояния.

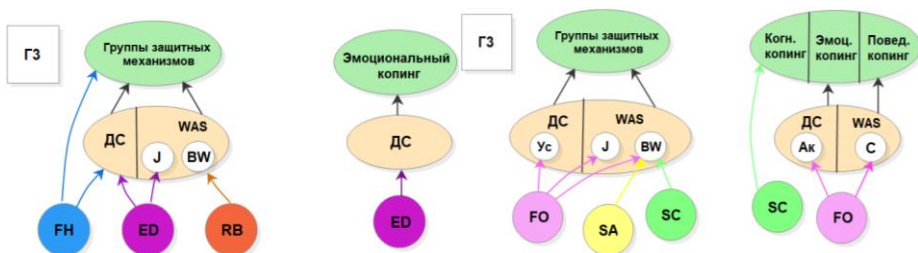

Рисунок 3. Схемы влияния условий конфликта на адаптивные механизмы в Г3.

Дополнительно был проведен анализ результатов по выявленным подгруппам. В подразделе 4.3.2. «Исследование адаптивных механизмов в подгруппах: сводные профили, обсуждение и выводы по главе» был представлен анализ совокупности

полученных результатов, показавший, что различия в подгруппах носили преимущественно уточняющий характер и конкретизировали выявленные на уровне основных групп закономерности. В паре Г1.1–Г1.2 режим воздействия конфликта задает разные траектории адаптации: при постоянном пребывании в условиях угрозы (Г1.1) формируется более стабильная и жестко организованная система регуляции, направленная на сохранение функционирования, тогда как временный выезд с последующим возвращением (Г1.2) создает условия для частичного когнитивного осмысления опыта, но одновременно усиливает истощение и смещает адаптацию в сторону снижения тревоги и напряжения. Подгруппы Г2.1-Г2.2 различаются не уровнем стрессовой нагрузки и не выраженностью самих адаптивных механизмов, а способом их включения в систему регуляции: в Г2.1 субъективное непризнание себя как находящихся в условиях конфликта связано с большей нагрузкой на эмоциональную сферу и стратегиями отвлечения и эмоционального отстранения, тогда как в Г2.2 субъективное признание угрозы сочетается с более прямым переживанием беспомощности, предательства и морально-травматических аспектов ситуации, а также с более активным поиском способов совладания.

ВЫВОДЫ

1. Длительный вооруженный конфликт характеризуется продолжительностью и постоянством угрозы, сочетанием прямого и опосредованного воздействия, протеканием адаптационного процесса на фоне сохраняющейся опасности, специфическими реакциями на длительный стресс и адаптивным характером ряда реакций, которые в иных контекстах могут рассматриваться как симптомы расстройств. Доминирующие теоретические рамки травматизации, прежде всего ПТСР, обладают ограниченной применимостью к данному контексту, тогда как наиболее адекватной теоретико-методологической основой выступает концепция непрерывного травматического стресса (СТС).

2. В работе обосновывается и эмпирически подтверждается теоретическая модель единой защитно-регуляторной системы адаптации личности в условиях длительного стрессогенного воздействия, включающая адаптивные механизмы, внутренние факторы, а также условия конфликта. В рамках этой модели влияние условий СТС реализуется преимущественно опосредованно — через систему внутренних факторов личности.

3. Первый этап анализа показывает, что психологические условия длительного вооруженного конфликта распределяются между группами неравномерно. При общем сходстве медианных показателей кумуляции стрессоров и отсутствии различий по ряду компонентов СТС, для Г1 характерна тенденция к более высокой кумулятивной нагрузке, более тяжелому профилю событий, большей выраженности ED, сужению социального контекста и более выраженной перестройке жизненных ориентиров. Г2 занимает промежуточное положение, а Г3 отличается более благоприятным защитным контекстом, большей сохранностью социальных ресурсов и перспективного планирования.

4. Второй этап показывает, что внутренние факторы личности сохраняют общую структурную конфигурацию, однако различаются по уровню отдельных компонентов и определяются разными условиями конфликта. Межгрупповые различия по доминирующим состояниям в целом минимальны, тогда как базисные убеждения демонстрируют более выраженную дифференциацию: наиболее сниженные показатели в целом характерны для Г1, наиболее высокие — для Г3, а Г2 занимает промежуточное положение. При этом сходные профили внутренних факторов формируются на разных основаниях: в Г1 они теснее связаны с СТС-факторами, в Г3 ведущую роль играет отношение к будущему, а в Г2 структура связей оказывается менее согласованной.

5. Третий этап, посвященный адаптивным механизмам, показывает, что группы различаются как по отдельным защитным механизмам, так и по агрегированным компонентам, однако эти различия не нарушают общей конфигурации профилей. Наиболее выраженные различия касаются отдельных защитных механизмов и групп защит, тогда как по копинг-механизмам устойчивые различия минимальны. Вместе с тем структурный анализ показывает, что за внешне сходными профилями стоят разные

механизмы регуляции: в Г1 и Г3 адаптивные механизмы теснее встроены в систему внутренних факторов личности, тогда как в Г2 влияние условий конфликта чаще носит прямой характер.

6. Регрессионный анализ показывает, что различия в адаптивных механизмах определяются прежде всего неодинаковой структурой опосредования влияния условий конфликта через внутренние факторы личности. В Г1 это опосредование является наиболее развернутым и охватывает наибольшее число связей; в Г2 система оказывается более фрагментарной, а часть влияний сохраняет прямой характер; в Г3 опосредование в большей степени смещается в блок базисных убеждений. Тем самым различия между группами определяются не только выраженностью отдельных защит и копинг-стратегий, но и тем, какие внутренние факторы включаются в систему адаптивной регуляции.

7. Анализ подгрупп подтверждает, что выявленные различия носят преимущественно уточняющий характер и не меняют общей структуры результатов, полученной при сравнении основных групп. Подгруппы различаются прежде всего по конфигурации психологических условий, адаптивных механизмов и структуре взаимосвязей. В Г1 режим воздействия задает разные траектории адаптации, а в Г2 различия связаны главным образом со способом включения ситуации в систему психологической регуляции.

8. Результаты эмпирического исследования подтверждают генеральную гипотезу о различиях профилей адаптивных механизмов личности в зависимости от длительности и типа воздействия вооруженного конфликта и раскрывают механизмы их формирования. Это имеет практическое значение для оказания психологической помощи, поскольку позволяет выделить уязвимые звенья адаптации в группах: в Г1 — истощение, снижение активности и ослабление веры в справедливость мира; в Г2 — ситуативную тревогу, дефицит защитных ресурсов и неоднозначную роль социальной поддержки; в Г3 — нарушение представлений о доброжелательности и справедливости мира и чувство вины.

Публикации по основным положениям диссертации:

Shumarova A. Coping strategies in conditions of continuous traumatic stress: comparative analysis within the context of armed conflict // *Georgian Medical News*. 2025. No. 9(366). P. 170–177.

Avanesyan H. M., Shumarova A. Yu. The Effects of Armed Conflict Conditions on Personality Adaptation Mechanisms: A Regression Analysis // *Modern Psychology*. – 2026. – Vol. 9, No. 1(18).

Аванесян Г. М., Шумарова А. Ю. Исследование динамики адаптивных механизмов личности в условиях длительного вооруженного конфликта // *Банбер. Вестник Ереванского университета. Серия Е: Философия, психология*. 2025. Т. 16, № 2(47). С. 49–63. DOI: 10.46991/BYSU.E/2025.16.2.049.

Шумарова А. Ю. Механизмы адаптации в условиях постоянного воздействия экстремального стресса у мирного населения // *Актуальная психология*. 2024. Т. 7, № 2(15). С. 12–21. DOI: 10.46991/SBMP/2024.7.2.012.

Шумарова А. Ю. Психологические детерминанты доминирующих состояний в условиях вооруженного конфликта: прямое и косвенное воздействие CTS // *Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. Донецк, 2025. С. 485–492.

Шумарова А. Ю. Защитные механизмы личности в условиях длительного вооруженного конфликта // *Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. Донецк, 2024. С. 347–353.

ԱՆԱՏԱՄԻԱ ՅՈՒՐԻ ԾՈՒՄԱՐՈՎԱԿ
ԱՆՁԻ ՀԱՐՄԱՐՄԱՆ ՄԵՆԱՆԻԶՄՆԵՐԻ ԾԱՐԺԸՆԹԱՅՐ ԵՐԿԱՐԱՏԵՎ ՌԱԶՄԱԿԱՆ
ՀԱՎԱՄԱՐՏՈՒԹՅԱՆ ԸՆԹԱՅՔՈՒՄ

ԺԹ 00.01 «Ընդհանուր հոգեբանություն, հոգեբանության տեսություն և պատմություն, անձի հոգեբանություն» մասնագիտությամբ հոգեբանական գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության սեղմագիր: Ատենախոսության պաշտպանությունը կկայանա 2026թ. հունիսի 11-ին, ժ. 16:00-ին Երևանի պետական համալսարանին առընթեր գիտական աստիճաններ շնորհող ԲԿԳԿ-ի հոգեբանության 067 մասնագիտական խորհրդի նիստում (Հասցեն՝ 0025, ք. Երևան, Արշակունյաց 52^ա):

ԱՍՓՈՓԱԳԻՐ

Հետազոտության **արդիականությունը** պայմանավորված է նրանով, որ զինված հակամարտությունները ազդում են ոչ միայն ռազմական գործողությունների անմիջական մասնակիցների, այլև քաղաքացիական բնակչության վրա, որը շարունակում է ապրել անմիջական կամ անուղղակի սպառնալիքի պայմաններում, մինչդեռ հոգեբանական հետազոտություններում հիմնական ուշադրությունը դեռևս կենտրոնացած է զինծառայողների, վետերանների, փախստականների վրա: Արդյունքում այն քաղաքացիական բնակչությունը, որի համար սպառնալիքը չի ավարտվել, ուսումնասիրված է ավելի քիչ: Սակայն տրավմատիկ պայմաններում երկարատև կենսագործունեության պարագայում աղապատացիոն գործընթացը չի սահմանափակվում առանձին ազդեցությունից հետո վերականգնմամբ, այլ կապված է ավելի խորքային ներհոգեկան փոփոխությունների և հարմարվողական մեխանիզմների վերակառուցման հետ: Ընդ որում, անձի հարմարվողական մեխանիզմները մինչ օրս չեն դիտարկվում որպես ամբողջական փոխկապակցված համակարգ: Մա պայմանավորում է անձի աղապատացիայի ուսումնասիրության գիտական և գործնական նշանակությունը երկարատև զինված հակամարտության պայմաններում՝ դրա տևողության և ազդեցության տիպի հաշվառմամբ, որպես միասնական պաշտպանական-կարգավորիչ համակարգ, որտեղ արտաքին պայմանները, ներքին գործոնները և հարմարվողական մեխանիզմները կազմում են փոխկապակցված կառուցվածք:

Հետազոտության **նպատակը** որոշել անձի հարմարվողական մեխանիզմների դինամիկայի առանձնահատկությունները երկարատև զինված հակամարտության պայմաններում՝ հաշվի առնելով դրա ազդեցության տևողությունն ու տիպը:

Նպատակին հասնելու համար առաջադրվել են հետևյալ **խնդիրները**.

1. Իրականացնել տեսական վերլուծություն, որը ներառում է.

- երկարատև զինված հակամարտության վերլուծությունը՝ որպես քաղաքացիական բնակչության կենսագործունեության յուրահատուկ համատեքստ, և շարունակական տրավմատիկ սթրեսի (CTS) հայեցակարգի կիրառելիության հիմնավորումը պահպանվող սպառնալիքի և դրան առնչվող հոգեբանական արձագանքների նկարագրման համար,

- երկարատև սպառնալիքի պայմաններում հոգեբանական հարմարման և դրա մեխանիզմներին վերաբերող մոտեցումների վերլուծությունը՝ պաշտպանական-կարգավորիչ համակարգի բաղադրիչների օպերացիոնալացման նպատակով:

2. Հիմնավորել անձի աղապատացիայի միասնական պաշտպանական-կարգավորիչ համակարգի տեսական մոդելը, որն իրագործվում է CTS-ի պայմաններում:

3. Իրականացնել էմպիրիկ հետազոտություն, որը թույլ կտա որոշել երկարատև զինված հակամարտության պայմաններում միասնական պաշտպանական-կարգավորիչ համակարգի բաղադրիչների առանձնահատկությունները, բացահայտել միջամաթյան

տարբերություններն ու դրանց միջև փոխկապակցվածությունները, սահմանել հակամարտության պայմանների ազդեցության ուղղությունն անձի հարմարվողական մեխանիզմների վրա՝ հաշվի առնելով ներքին (անձնային) գործոնները:

4. Մտուզել անձի ադապտացիայի միասնական պաշտպանական-կարգավորիչ համակարգի տեսական մոդելի համապատասխանությունը երկարատև սթրեսածին ազդեցության պայմաններում հետազոտության էմպիրիկ տվյալներին:

5. Էմպիրիկ տվյալների հիման վրա կառուցել և համեմատել առանձնացված խմբերում անձի հարմարվողական մեխանիզմների պրոֆիլները, նկարագրել դրանց նմանություններն ու տարբերությունները:

Հետազոտության **գլխավոր վարկածը՝** անձի հարմարվողական մեխանիզմների պրոֆիլները տարբերվում են կախված զինված հակամարտության ազդեցության տևողությունից և տիպից:

Հետազոտության **գիտական նորույթը և տեսական նշանակությունը:** Մույն հետազոտությունն ընդլայնում է պատկերացումները անձի ադապտացիայի մասին երկարատև սթրեսային ազդեցության պայմաններում: Առաջին անգամ հարմարվողական մեխանիզմները, որպես փոխկապակցված բաղադրիչներ, դիտարկվել են շարունակական տրավմատիկ սթրեսի (CTS) պայմանների հաշվառմամբ: Էմպիրիկորեն հաստատվել է մի մոդել, որը միավորում է զինված հակամարտության համատեքստային պայմանները և հակամարտության ընթացքում ձևավորվող հոգեբանական պայմանները և ցույց է տալիս դրանց համաձայնեցված ազդեցությունը նախ՝ ներքին կարգավորիչների, ապա՝ հարմարվողական մեխանիզմների վրա: Սահմանվել են հակամարտության ազդեցության տարբեր տևողությունների և տիպերի պայմաններում հարմարվողական արձագանքների դրսևորման օրինաչափությունները, ինչպես նաև առանձնացվել և նկարագրվել են երկարատև սթրեսի տարբեր տիպեր ապրող անձանց հարմարվողական մեխանիզմների տարբերակված պրոֆիլները:

Հետազոտության **գործնական նշանակությունը** կայանում է նրանում, որ ստացված արդյունքները հնարավորություն են տալիս էապես բարձրացնել զինված հակամարտության տարածքում բնակվող քաղաքացիական բնակչությանը, ինչպես նաև ՋԼՄ-ների և էնոցիոնալ ներգրավվածության միջոցով անուղղակի ազդեցության տակ գտնվող անձանց ցուցաբերվող հոգեբանական օգնության հասցեականությունն ու արդյունավետությունը: Մասնավորապես պրոֆիլները, ներառյալ անձի խոցելիության բնութագրերը, ինչպես նաև զինված հակամարտության պայմանների ազդեցության առանձնահատկությունները հոգեկան՝ վիճակի, բազային համոզմունքների և հարմարվողական արձագանքների վրա՝ ազդեցության յուրաքանչյուր տիպի դեպքում, կարող են օգնել հոգեբանական ծառայությունների մասնագետներին ընտրելու օգնության օպտիմալ մարտավարություն և պլանավորելու վերականգնողական միջոցառումներ: Մշակված կողմնորոշիչները կարող են օգտագործվել վերականգնողական և հոգեբանական իրազեկման ծրագրերի կազմման, բնակչության վիճակի դինամիկայի մոնիթորինգի կազմակերպման համար:

Հետազոտության **արդյունքների փորձաքննություն:** Ատենախոսական հետազոտության նյութերը ներկայացվել և քննարկվել են ԵՊՀ ընդհանուր հոգեբանության ամբիոնի նիստում և ԵՊՀ Հոգեբանության գիտահետազոտական կենտրոնում, ինչպես նաև գեկուցվել են 9 միջազգային գիտագործնական գիտաժողովներում: Ատենախոսության թեմայով հրատարակվել է 12 աշխատանք:

Ատենախոսության կառուցվածքը: Ատենախոսությունը բաղկացած է ներածությունից, 4 գլուխներից, եզրակացություններից, գրականության ցանկից, հապավումների ցանկից և հավելվածից: Տեքստը շարադրված է 200 էջի վրա՝ առանց հավելվածների հաշվառման. այն ներառում է 130 աղյուսակ, 9 նկար և 3 հավելված: Գրականության ցանկը ներառում է 307 աղբյուր. 85-ը ռուսերեն, 222-ը օտար լեզուներով:

**THE DYNAMICS OF PERSONALITY ADAPTATION MECHANISMS IN
THE CONTEXT OF A PROLONGED MILITARY CONFLICT**

Abstract of the dissertation submitted for the degree of Candidate of Psychological Sciences. Specialty: 19.00.01 – General Psychology, Theory and History of Psychology, Personality Psychology. The defense of the dissertation will take place on June 11, 2026, at 4:00 p.m., at a meeting of the Psychology Specialized Council 067 of the HESC, affiliated with Yerevan State University.

Address: 52a Abovyan St., Yerevan 0025, Republic of Armenia.

SUMMARY

Research relevance. The relevance of the study is determined by the fact that armed conflicts affect not only direct participants in hostilities, but also civilian populations that continue to live under conditions of direct or indirect threat, while psychological research still focuses primarily on military personnel, veterans, refugees, and forcibly displaced persons. As a result, civilian populations for whom the threat has not ended but remains part of everyday reality have been studied far less extensively, and the available data remain fragmented. At the same time, when people live for prolonged periods under traumatizing conditions, the adaptation process cannot be reduced to recovery after a single exposure, but is associated with deeper intrapersonal changes and the restructuring of adaptive mechanisms. Yet adaptive mechanisms themselves are still studied fragmentarily and, as a rule, are not considered as an integral interconnected system. This determines the scientific and practical significance of studying personality adaptation under conditions of prolonged armed conflict, taking into account the duration and type of exposure, as a unified protective-regulatory system in which external conditions, internal factors, and adaptive mechanisms form an interconnected structure.

Aim of the study: to identify the specific features of the dynamics of personality adaptive mechanisms (in civilian populations) under conditions of prolonged armed conflict, taking into account the duration and type of its exposure.

To achieve this aim, the following **objectives** were formulated:

1. To conduct a theoretical analysis including:
 - an analysis of prolonged armed conflict as a specific context of civilian life and a substantiation of the applicability of the concept of Continuous Traumatic Stress (CTS) for describing ongoing threat and the psychological reactions associated with it;
 - an analysis of approaches to psychological adaptation and personality adaptive mechanisms under conditions of prolonged threat for the operationalization of the components of a unified protective-regulatory system.
2. To substantiate the theoretical model of a unified protective-regulatory system of personality adaptation operating under CTS conditions.
3. To conduct an empirical study enabling the identification of the specific features of the components of the unified protective-regulatory system under conditions of prolonged armed conflict, the detection of intergroup differences and interrelations among them, and the determination of the direction and relative strength of the influence of conflict conditions on personality adaptive mechanisms, taking into account internal (personality-related) factors.
4. To test the correspondence between the theoretical model of the unified protective-regulatory system of personality adaptation under conditions of prolonged stress exposure and the empirical data of the study.

5. On the basis of empirical data, to construct and compare the profiles of personality adaptive mechanisms in the identified groups and to describe their similarities and differences.

Object of the study: personality under conditions of prolonged armed conflict (civilian population).

Subject of the study: personality adaptive mechanisms under conditions of prolonged armed conflict.

General hypothesis of the study: the profiles of personality adaptive mechanisms differ depending on the duration and type of exposure to armed conflict.

Scientific novelty and theoretical significance of the study. The present study expands existing conceptions of personality adaptation under conditions of prolonged stress exposure. For the first time, adaptive mechanisms as interconnected components are examined with reference to the conditions of Continuous Traumatic Stress (CTS). A model integrating the contextual conditions of armed conflict and the psychological conditions that emerge during the conflict, and demonstrating their coordinated influence on internal regulatory factors and subsequently on adaptive mechanisms, has been empirically confirmed. Regularities in the manifestation of adaptive responses under different durations and types of conflict exposure have been identified; differentiated profiles of adaptive mechanisms have been distinguished and described in individuals experiencing different types of prolonged stress.

Practical significance of the study. The findings make it possible to substantially improve the targeting and effectiveness of psychological assistance provided to civilians living in territories affected by armed conflict, as well as to those exposed indirectly through the media and emotional involvement. The identified profiles, including indicators of personality vulnerability, together with the specific effects of armed conflict conditions on mental states, basic assumptions, and adaptive responses for each type of exposure, may help psychological service professionals select optimal intervention strategies and plan rehabilitation measures. The proposed guidelines may be used in the development of rehabilitation and psychoeducational programs, as well as in monitoring changes in the condition of populations under prolonged stress exposure.

Approbation of the study results. The materials of the dissertation research were presented for discussion at the meeting of the Chair of General Psychology of Yerevan State University and at the Research Center of Psychology of Yerevan State University, and were also reported at 9 international scientific and practical conferences. Twelve publications have been produced on the topic of the dissertation, including three in peer-reviewed academic journals recommended by the Higher Attestation Commission for publishing dissertation research results, and one in journals indexed in the Scopus abstract database.

Structure and scope of the dissertation. The dissertation consists of an introduction, four chapters, conclusions, a bibliography, a list of abbreviations, and appendices. The main text comprises 200 pages excluding appendices; it contains 130 tables (71 of which are included in the appendices), 9 figures, and 3 appendices. The bibliography includes 307 sources, of which 85 are in Russian and 222 are in foreign languages.

